
КОНТЕКСТ

С.Н. ШКЕЛЬ*

ПРЕЗИДЕНТ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЛОГИКА КОАЛИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Аннотация. Падение экспортных цен на нефть, связанное с мировым кризисом, создает угрозы политической стабильности в государствах, экономика которых основана на продаже сырья. Между тем многим из них удается сохранить устойчивость. Если источники стабильности сырьевых автократий в период высоких мировых цен на нефть в политической науке довольно подробно изучены, то основы политического выживания таких режимов в кризисных условиях остаются не совсем понятны. В данной статье анализируются экономические и политические процессы России в период 2012–2018 гг. для выявления основных факторов политической устойчивости режима в условиях кризиса. Утверждается, что политическая стабильность в этот период обуславливалась не только наличием нефтяной ренты, превентивными мерами правительства по созданию государственных резервов и иными благоприятными экономическими факторами прошлых лет. Не меньшую роль играли стратегические действия президента, направленные на: 1) корректировку экономического курса правительства для учета политиче-

*** Шкель Станислав Николаевич**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований (Пермь, Россия), e-mail: stas-polit@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19–011–00430 А «Экономическое неблагополучие и политическая подотчетность в электоральных автократиях». Автор выражает признательность Программе развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге.

© Шкель С.Н., 2019

DOI: 10.31249/poln/2019.04.06

ских интересов и решения электоральной задачи 2018 г.; 2) сохранение стабильной властной коалиции. В статье демонстрируются ход и политические последствия принятий решений в России по вопросам расходования государственных резервов и приватизации крупнейших госкорпораций. Показано, что конкретное направление этих решений обуславливалось вмешательством президента для защиты своих политических интересов. Анализ кадровой политики и элитных взаимодействий в указанный период с помощью формального моделирования позволил раскрыть логику трансформации правящей коалиции и выявить значение этого процесса для сохранения устойчивости политического режима.

Ключевые слова: президент; кризис; политик; коалиции; политический режим; авторитаризм; Россия.

Для цитирования: Шкель С.Н. Президент, экономический кризис и логика коалиционной политики в современной России // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 168–194. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.06>

Введение

В марте 1990 г. внеочередной III Съезд народных депутатов СССР принял закон «Об учреждении поста Президента СССР и введении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР» и избрал на эту должность генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Верховного Совета СССР М. Горбачева¹. В условиях экономического кризиса глава государства надеялся этой институциональной новацией укрепить свою власть и повысить эффективность управления. Однако уже через год с небольшим ближайшие соратники президента объединились, чтобы отстранить его от власти. И хотя попытка переворота августа 1991 г. оказалась неудачной, это событие стало ключевым в последующем распаде Советского Союза и политическом фиаско первого и последнего советского президента [Плохий, 2016].

Подобные случаи, когда президент теряет власть не в результате всенародных выборов, а вследствие бунта элит, являются вполне типичными для авторитарных режимов. Согласно расчетам М. Шволика, из 205 потерявших власть диктаторов в период с

¹ Закон от 14 марта 1990 г. № 1360-I «Об учреждении поста Президента СССР и о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР» // Сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465/> (Дата посещения: 08.06.2019.)

1946 по 2008 г. почти в 2/3 случаев (68%) это произошло в результате заговора элит [Svolic, 2012, p. 4–5]. Экономический кризис, наряду с иными факторами, может быть важной причиной раскола элит и возникновения условий для подобного рода заговоров. Сам по себе пост президента с широкими полномочиями не является достаточной страховкой от возникновения внутриэлитных бунтов. Напротив, инсталляция суперпрезидентализма задает логику политической игры с «нулевой суммой» [Linz, 1990, p. 55–56] и формирует дополнительные стимулы у приближенных к президенту лиц для занятия этой позиции даже путем рискованной стратегии заговора.

Вместе с тем в череде драматичных событий прошлого и настоящего, в ходе которых правители в разных странах мира теряют власть, исследователи не так часто обращают внимание на случаи успешного удержания власти президентами, несмотря на кризисные явления в экономике и другие внешние шоки. Случай России является одним из показательных примеров подобных «историй успеха», когда президент В. Путин, несмотря на негативное влияние экономического кризиса, не только не растерял свои политические активы, но смог существенно нарастить их, триумфально выиграв выборы 2018 г. с результатом в 76,7% поддержки избирателей¹. Российский опыт представляется особенно интересным, если принять во внимание тот факт, что период 2012–2018 гг. сопровождался не только экономическими трудностями, но и обострением внешнеполитических проблем. Другими словами, президент избежал политических потерь в условиях двойного кризиса – экономического и внешнеполитического. Что обуславливает политическое выживание президента России в современных кризисных условиях? Это главный исследовательский вопрос настоящей статьи, ответ на который важен не только с точки зрения понимания специфики политического развития России, но и способен пролить свет на более общие вопросы политической науки, связанные с проблематикой факторов устойчивости и источников уязвимости президентских систем авторитарного типа. В отличие от ряда ис-

¹ Результаты выборов Президента Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – Режим доступа: <http://old.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/> (Дата посещения 08.06.2019.)

следователей, которые рассматривают данный вопрос сквозь призму политической борьбы между властью и оппозицией, я фокусируюсь на внутриэлитных взаимодействиях, показывая, что в авторитарных условиях стратегические действия президента по формированию властной коалиции играют важную роль в поддержании стабильности режима.

Не нефтью единой: политическая выживаемость автократий в условиях кризиса

Долгое время в политической науке считался общепризнанным тезис представителей теории модернизации, согласно которому главным источником краха авторитарных режимов является экономический рост, обеспечивающий благосостояние населения и расширение среднего класса [Lipset, 1960; Boix, 2003; Acemoglu, Robinson, 2006; Houle, 2009]. Сторонники теории «нефтяного проклятья» внесли коррективы во взгляд о прямой зависимости между экономическим достатком и уровнем политической конкуренции, показав, что благосостояние, основанное на сырьевой ренте, может иметь противоположные политические последствия. В частности, политические лидеры в нефтедобывающих государствах получают возможность использовать сырьевую ренту для максимизации своей власти [Ross, 2001], а средний класс встроить в систему государственных корпораций, лишив его политической независимости [Росс, 2017]. Экономический кризис 1970–1980-х годов продемонстрировал уязвимость автократий, сильно зависящих от мировых цен на энергоносители. С тех пор утвердилось мнение, что вероятность демократизации в странах, зависящих от продажи сырья, повышается в результате экономического спада, а не подъема [Gasiorowski, 1995; Haggard, Kaufman, 1995; Linz, Stepan, 1996]. Концепция неопатриомониализма дает этому объяснение, указывая на патрон-клиентский фундамент власти персоналистских автократий [Bratton, van de Walle, 1997]. Это означает, что источником лояльности элит в сырьевых государствах является материальное поощрение и преференции, которыми президент в качестве патрона наделяет приближенный круг элит взамен на их поддержку. Экономический кризис приводит к распаду патрон-клиентской пирамиды [Hale, 2014].

В то же время экономические кризисы последних лет демонстрируют, что вывод об уязвимости нефтяных автократий от экономических шоков не всегда очевиден. Например, финансовый кризис 1998 г. показал, что его результат для сырьевых государств не обязательно связан с дестабилизацией авторитарных режимов [Pepinsky, 2009]. Падение мировых цен на нефть в 2008 и 2015 гг. также продемонстрировало, что многие авторитарные режимы могут вполне успешно справляться с трудностями [Ahmadov, 2019]. Стремясь объяснить причины вариации устойчивости автократий, ученые обращают внимание на дифференциацию их институционального дизайна. Политические партии, legislatures, государственные корпорации и иные институциональные образования могут служить каналами кооптации потенциальных оппонентов режима [Gandhi, 2008]. Политическая устойчивость автократий с этой точки зрения во многом обусловлена институциональной инженерией, которую прагматично осуществляют диктаторы, стремясь обезопасить себя от рисков дестабилизации [Magaloni, 2006].

Иную объяснительную схему предлагают исследователи, указывающие, что в момент кризиса ключевым фактором сохранения режима является способность правителя сохранить стабильность правящей коалиции [The logic of political survival, 2003]. Так, например, Т. Пепински обращает внимание на противоположность интересов держателей мобильного (финансового) и фиксированного (аграрного или индустриального) капиталов [Pepinsky, 2009, p. 24–25]. Если правящая коалиция не монолитна и включает в себя обе указанные группы, то президент в условиях дефицита ресурсов неминуемо сталкивается с непростой дилеммой выбора поддержки одной группы за счет интересов другой, что ведет к расколу элит и дестабилизации [Pepinsky, 2009, p. 83–118].

Другие теоретики коалиционной политики указывают, что даже при дефиците ресурсов стабильность правящей группы возможно сохранить с помощью стратегических действий. Разделяя коалиции на стабильные («самоподдерживающиеся», *self-enforcing*) и нестабильные, ученые видят главным источником политического выживания лидера его способность вовремя предотвратить трансформацию коалиции из первого типа во второй [Acemoglu, Egorov, Sonin, 2008]. Коалиция является самоподдерживающейся, когда распределение ресурсов между ее членами не позволяет ни одному из них изменить сложившийся баланс и выступить против кого-

либо, не ухудшив свою собственную позицию. Простейшая самоподдерживающаяся коалиция состоит из двух членов, имеющих равенство ресурсов, что в формальном виде можно обозначить как $A = B$. При условии неравенства ресурсов коалиция распадается, потому что обладатель превосходства уничтожает своего соперника. Если в эту модель ввести третьего игрока C и представить распределение ресурсов в виде $A (2) > B (3) > C (4)$, то мы вновь обнаруживаем самоподдерживающуюся коалицию, поскольку C не в силах уничтожить коалицию A и B , однако и последние не выступают против C в силу рационального расчета A , который понимает, что после уничтожения C следующей жертвой от B станет он сам в силу неравенства ресурсов [Acemoglu, Egorov, Sonin, 2008, p. 989].

Исследование Д. Трейсмана эмпирически подтверждает важность стратегических действий правителя для сохранения власти. Согласно его расчетам, большинство демократических переходов связано с ошибками диктаторов [Treisman, 2017]. Напротив, «умная политика», избегающая рискованных шагов, сохраняет политическую стабильность даже в условиях экономических вызовов. Феномен «умного авторитаризма» (smart authoritarianism) может объясняться фактором времени и учетом предыдущего опыта. Если кризис 1970–1980 гг. оказался во многом неожиданным, то сегодня знание об экономических циклах и волатильности мировых цен на нефть помогает правительствам заранее подготовиться к возможным вызовам [Ahmadov, 2019].

Представленные выше объяснения устойчивости авторитарных режимов в условиях кризиса дают возможность анализа внутренней политики России с акцентом на коалиционные взаимодействия и стратегические решения, которые осуществляет президент. Это позволяет пролить свет не только на причины ротаций элит и смену трендов в политическом курсе России, но и определить источники политической стабильности российского режима.

Smart authoritarianism: российская сборка

В отличие от автократий прошлого столетия, российский режим подошел к кризисным точкам 2008 г. и 2014–2015 гг. куда более подготовленным. Понимая временность высоких мировых цен на нефть, власти еще с 2004 г. начали реализовывать идею ми-

нистра финансов А. Кудрина о накоплении доходных средств от экспорта нефти в специально созданном для этого Стабилизационном фонде. Эти резервы действительно оказались очень нужными в период финансового кризиса 2008 г. и позволили российскому правительству сравнительно «мягко» пройти эту кризисную точку¹.

В отличие от большинства авторитарных стран постсоветского пространства, проблему легитимного удержания власти после завершения двух президентских сроков в 2008 г. В. Путин решил не стандартным путем изменения конституции, а стратегией тандема с Д. Медведевым. Это привело к некоторому дуализму элит и временной неопределенности о главном кандидате на пост президента в 2012 г., что стало одой из причин массовой протестной мобилизации в поствыборный период [Gel'man, 2013]. Однако и этот негативный опыт был учтен В. Путиным, который после возвращения на пост президента сразу обозначил дальность своего горизонта планирования, не подвергая сомнению тот факт, что в 2018 г. именно он пойдет на очередной президентский срок. Дополнительной мерой для успокоения и повышения лояльности элит служил законопроект, поднимающий предельный возраст пребывания высокопоставленных служащих на государственной службе с 60 до 70 лет². Это было важным сигналом для консолидации правящей коалиции и четкой ориентации ее членов на одно лицо.

Если использовать подход Т. Пепински к анализу российского политэкономического развития в постсоветский период, то можно отметить, что основные развилки координации между держателями мобильного и фиксированного капиталов режим прошел на более ранних этапах и к современному кризису подошел довольно консолидированным, с опорой прежде всего на держателей фиксированных активов. После запуска либеральных реформ и процесса приватизации в начале 1990-х годов российский крупный капитал создавался как банковско-финансовый (мобильный). Не

¹ Доклад об экономике России № 21 // Всемирный банк. – 2010. – Март. – Режим доступа: http://mirpal.org/material/anmat/Doklad_ob_ekonomiki_Rossii.pdf (Дата посещения: 10.06.2019.)

² Внесено изменение в статью закона о государственной гражданской службе // Президент России. – 2013. – 02 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/17263> (Дата посещения: 10.06.2019.)

случайно возвышение олигархии после президентских выборов 1996 г. в публицистике стали определять как «семибанкищина» [Hoffman, 2011]. Однако финансовый кризис 1998 г. и последующий рост цен на нефть создали основу для интереса российского бизнеса к сырьевому сектору. К началу нулевых годов основные бизнес-группы представляли собой промышленно-финансовые конгломераты, интегрировав под свой контроль как мобильные, так и фиксированные активы [Паппэ, 2000; Крыштановская, 2005].

В. Путин, заняв пост президента в 2000 г., столкнулся с проблемой политического влияния олигархов, неформально ограничивающих его власть. С опорой на силовой ресурс и используя стратегию «кнута и пряника», президент к 2004 г. смог избавиться от автономии бизнес-элит, навязав им свои правила игры [Gel'man, 2015, p. 117–119]. Рост государственных доходов за счет нефтедолларов позволял кооптировать основные экономические группы интересов, снижая в их составе долю мобильного капитала за счет фиксированного. Основным механизмом этой кооптации стали разного рода «мегасобытия» или «стройки века», сопровождающиеся масштабными государственными инвестициями в строительство инфраструктурных проектов. В 2007 г. были приняты решения о проведении во Владивостоке саммита АТЭС в 2012 г. и зимней Олимпиады в Сочи 2014 г. В 2010 г. была выиграна заявка на проведение в России чемпионата мира по футболу 2018 г. Основную долю проектов в качестве подрядчиков исполняли компании, собственники которых имели неформальные связи с президентом, что обеспечивало последнему их политическую поддержку¹. Таким образом, к периоду экономического и внешнеполитического шоков бизнес-группы России подошли в состоянии интеграции в патронажные сети и оказались сильно зависимыми от государственных предпочтений.

Еще одной группой поддержки режима являлись государственные корпорации. В период первых двух президентских сроков В. Путина доля государственного сектора в российской экономике значительно увеличилась, особенно в сегменте крупных предприятий [Шпренгер, 2010]. В условиях высоких цен на нефть и роста

¹ Казьмина И., Еременко Е. Короли госзаказа – 2018: рейтинг Forbes // Forbes. – 2018. – 22 февраля. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/357659-koroli-goszakaza-2018-reyting-forbes> (Дата посещения: 10.06.2019.)

ВВП это не воспринималось как проблема. Напротив, госкорпорации являлись одним из главных инструментов расширения правящей коалиции и местом трудоустройства для ее членов. Подобные патронажные практики укрепляли лояльность значимых игроков по отношению к президенту и сплачивали элиту.

Как еще одну группу особого экономического интереса, влияние которой стало расти с приходом к власти В. Путина, можно обозначить сектор военно-промышленного комплекса (ВПК). По расчетам экспертов исследовательского центра SIPRI, в период с 2003 по 2007 г. государственный оборонный заказ в России вырос на 81% [Штоленхейм, Пердомо, Шёнс, 2009, с. 238]. Этот сегмент экономики, в полной мере основанный на фиксированном капитале, также выступает одним из главных столпов стабильности режима.

Таким образом, в целом российская власть подошла к кризисным точкам 2008 и 2014 гг. в комфортном финансовом состоянии с довольно монолитной правящей коалицией, основу которой составляли держатели как фиксированного, так и мобильного капиталов. Специфика России заключается в своеобразном миксе мобильного и фиксированного капиталов, когда представители бизнеса не имеют четкого разделения по линии типа капитала, а являются держателями обоих их видов. С точки зрения сохранения лояльности бизнес-элит в период кризиса данная структура капиталов является для президента преимуществом, поскольку в таких условиях решения в пользу мобильного или фиксированного капитала не являются для бизнесменов судьбоносными. Издержки в одном плане, например, от закрытия финансово-кредитных рынков и внешнеполитических санкций российский бизнес мог компенсировать за счет предоставляемых государством преференций в области фиксированного капитала. Случай России в этом смысле интересен тем, что он демонстрирует возможность третьей альтернативы, выбивающейся из дихотомической модели конфликта между фиксированным и мобильным капиталами, предложенной Т. Пепински.

Вместе с тем кризис заставил правительство искать новые решения для роста экономики, ряд из которых несли политические риски. Кроме того, кризисные шоки привели к сокращению ресурсов и реконфигурации властной коалиции, обострив конкуренцию между ее членами. Поэтому в новых условиях важным аспектом

политической устойчивости стала способность президента вовремя корректировать такие экономические решения правительства, которые входили в противоречие с политическими задачами удержания власти. Не менее актуальной стала проблема сохранения властной коалиции в равновесном состоянии.

Дилеммы президента

Главной задачей президента в рассматриваемый период являлось сохранение политической стабильности до очередных выборов 2018 г. Однако кризис и ответные меры правительства могли войти в противоречие с этой задачей. Несколько упрощая, можно сказать, что суть разногласий по вопросам антикризисных мер в правительстве сводилась к двум подходам, которые условно можно обозначить как монетаризм и реализм. На протяжении первых двух президентских сроков В. Путин отдавал предпочтение монетаристскому курсу, защитником которого неизменно выступал министр финансов А. Кудрин. Данный подход подразумевает постоянное сдерживание инфляции за счет жесткой экономии бюджетных расходов. Рост ВВП в этой концепции должен осуществляться не за счет государственных инвестиций в реальный сектор экономики, а посредством структурных реформ, главными из которых являются приватизация и либерализация рынка.

Альтернативная точка зрения состоит в том, что макроэкономической стабильности следует предпочесть рост ВВП за счет масштабных государственных инвестиций. Поэтому сверхдоходы бюджета следует не хранить, а вкладывать в инфраструктурные проекты и новые предприятия. По вопросу приватизации реалисты придерживались более осторожного мнения, предпочитая протекционизм и поддержку государственных предприятий¹.

Сложность дилеммы для президента заключалась в том, что оба подхода не являлись идеальными с точки зрения политической прагматики. Подход монетаристов отвечал интересам президента в части их стратегии по сохранению резервов в неприкосновенности

¹ Экономика роста: доклад. – М.: Столыпинский клуб, 2015. – Режим доступа: https://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (Дата посещения: 10.06.2019.)

и трате их только с целью бюджетной сбалансированности. Однако их требование приватизации сокращало политический контроль за значимыми экономическими субъектами, что входило в противоречие с политическими задачами. Подход реалистов, напротив, соответствовал политическим интересам в части сохранения государственного контроля за основными экономическими субъектами, но создавал риски требованием немедленной растраты государственных сбережений. Схематическое распределение предпочтений по вопросам приватизации и государственных инвестиций между монетаристами, реалистами и президентом представлено в табл.

Таблица

Распределение предпочтений по вопросам экономического курса между монетаристами, реалистами и президентом

Государственные инвестиции		Приватизация	
		Да	Нет
	Да	Идеалисты ¹	Реалисты
	Нет	Монетаристы	Президент

Таким образом, полная поддержка президентом любого из двух курсов создавала для него политические риски. В то же время он не мог обозначить свое несогласие с обоими подходами, поскольку это означало публичную артикуляцию отказа вообще от любых мер по развитию экономики. Поэтому единственной верной стратегией в рамках указанных дилемм становилось выстраивание коалиции из этих двух групп и тонкая «режиссура» их взаимодействий.

Борьба за резервы: победители и проигравшие

Если до экономического кризиса 2008 г. подход монетаристов в плане накопления резервов от нефтяного экспорта в правительстве доминировал, то к 2011 г. стали усиливаться позиции реалистов, настаивающих на необходимости поиска новых инст-

¹ Теоретическая возможность одновременной траты резервов и осуществления приватизации в условиях кризиса представлялась нереалистичной стратегией, поэтому данная позиция условных «идеалистов» хотя и указана в таблице, но не играла никакой роли в дилеммах президента.

рументов для экономического роста. Публичным проявлением этого стал конфликт Д. Медведева и А. Кудрина по поводу роста бюджетных расходов на армию, в результате которого последний был вынужден покинуть правительство¹. Эта отставка демонстрировала ослабление позиций монетаристов, что стало еще более заметно после президентских выборов 2012 г. и формирования нового правительства, в котором пост министра экономического развития получил А. Белоусов – один из самых последовательных критиков монетаристов. Еще одна знаковая фигура из группы реалистов – С. Глазьев – стал советником президента².

В 2013 г. противоречия между позицией А. Белоусова и министра финансов А. Силуанова, который продолжал настаивать на консервативном монетаристском курсе, стали выходить в публичную плоскость. Министр экономики настаивал на использовании средств Фонда национального благосостояния³ для инвестиций в экономику. Он указывал, что в новых кризисных условиях резервы не смогут выполнять функции страховки: «Это сработает, если цены на нефть снизятся, а через два-три года вновь вернуться на прежний уровень. А если они системно перейдут на уровень в \$70–80 за баррель, то мы проедем резервы за два-три года и останемся и без денег, и без дорог»⁴. Эти инициативы министра экономического развития явно шли вразрез с политическими интересами президента. Уже вскоре он был вынужден вмешаться. В своем бюджетном послании он четко встал на сторону А. Силуанова, отказавшись от всех предложений А. Белоусова по стимулированию экономического роста⁵. А еще буквально через

¹ Указ об отставке Алексея Кудрина от 26.09.2011 // Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/12826> (Дата посещения: 10.06.2019.)

² Бирюкова Л. Сергей Глазьев стал советником президента // Ведомости. – 2012. – 30 июля. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/07/30/sergej_glazev_stal_sovetnikom_vladimira_putina (Дата посещения: 10.06.2019.)

³ С 2008 г. Стабилизационный фонд был разделен на два фонда: Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

⁴ Барсуков Ю. Рванём не глядя // Коммерсантъ. – 2013. – 30 апреля, № 76. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2182302> (Дата посещения: 10.06.2019.)

⁵ Бутрин Д., Нетреба П. Антон Силуанов вписался в бюджетное послание // Коммерсантъ. – 2013. – 14 июня, № 101. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2211070> (Дата посещения: 10.06.2019.)

10 дней последовал указ об увольнении А. Белоусова с поста министра и переводе его на должность президентского помощника¹.

Требования нового министра экономического развития А. Улюкаева были менее амбициозными, не выходящими за рамки предложений о послаблении бюджетного правила. Однако после внешнеполитического обострения 2013–2014 гг. и общего ухудшения экономической ситуации А. Улюкаев, озабоченный проблемой рецессии, снова стал поднимать вопрос о необходимости инвестиций в промышленность из средств Фонда национального благосостояния, чем возродил споры с министерством финансов². Разгоревшаяся дискуссия снова потребовала вмешательства президента. В конце апреля на состоявшемся совещании у В. Путина А. Силуанов привел расчеты, согласно которым план Министерства экономического развития по стимулированию экономики за счет роста государственных расходов приведет к исчерпанию резервов уже к 2017 г.³ Это означало, что комфортный с точки зрения экономической стабильности ход президентских выборов 2018 г. нельзя будет гарантировать. Хотя формально это совещание не сблизило позиции министерств, а сам президент не стал публично обозначать свое мнение, о его точке зрения можно судить по резко сменившемуся тон А. Улюкаеву, который уже в мае прекратил противостояние с А. Силуановым, согласившись, что в кризисной ситуации лучше сохранить бюджетные ограничения⁴. К сентябрю 2014 г. позиция Министерства экономического развития и вовсе стала пораженческой: из заключения специалистов ведомства следовало, что если немедленно потратить средства Фонда нацио-

¹ Андрей Белоусов назначен помощником Президента // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/18396> (Дата посещения: 10.06.2019.)

² Бутрин Д. Бюджетное правило со всех сторон неверно // Коммерсантъ. – 2014. – 17 апреля, № 66. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2454163> (Дата посещения: 10.06.2019.)

³ Нетребя П. Госфинансы не поддаются взвешиванию // Коммерсантъ. – 2014. – 24 апреля, № 71. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2459170> (Дата посещения: 10.06.2019.)

⁴ Бутрин Д., Шаповалов А., Нетребя П. Лучшие тощий бюджет, чем бюджетная война // Коммерсантъ. – 2014. – 14 мая, № 80. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2469863> (Дата посещения: 10.06.2019.)

нального благосостояния, можно добиться роста ВВП не выше 4,3%, что делает эту меру нецелесообразной¹.

Для того чтобы в дальнейшем вопрос о резервах не выходил в публичную плоскость и решался более консолидированно, президент создал под своим руководством бюджетную комиссию в составе глав Министерства финансов, Министерства экономического развития и Центрального банка. В целом это привело к компромиссным решениям по поводу бюджетов 2015–2017 гг. с приоритетом монетаристского подхода, что в полной мере отвечало политическим интересам президента².

Еще одна политически чувствительная тема, которая все чаще в условиях кризиса стала подниматься в правительстве, была связана с перспективами повышения пенсионного возраста. Этот вопрос особенно актуализировался в 2015 г., когда резкое падение цен на нефть ниже 50 долл. за баррель потребовало срочной корректировки бюджета и выработки плана антикризисных мер, среди которых правительство предлагало указанную пенсионную реформу. Однако президент опять вмешался в полемику членов правительства и настоял на том, чтобы данная мера была снята с повестки до окончания выборов 2018 г.³ Взамен этого был выбран менее политически рискованный план, подразумевающий восполнение дефицита бюджета из средств Резервного фонда, который с 2015 г. начал тратиться на антикризисные меры и был полностью израсходован к началу 2018 г.⁴

Стремясь обеспечить сохранность резервов, президент был вынужден вступить в конфронтацию с рядом глав государственных корпораций. Так, в 2014 г. было решено отказаться от выделения

¹ Бутрин Д. Большой скачок уже не впечатляет // Коммерсантъ. – 2014. – 29 сентября, № 175. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2577893> (Дата посещения: 10.06.2019.)

² Бутрин Д. Не время для волшебников // Коммерсантъ. – 2014. – 15 сентября, № 165. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2567329> (Дата посещения: 10.06.2019.)

³ Мануйлова А. Повышения пенсионного возраста три года ждут // Коммерсантъ. – 2015. – 04 марта, № 37. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2679088> (Дата посещения: 10.06.2019.)

⁴ Воздвиженская А. Резервный фонд России официально прекратил существование // Российская газета. – 2018. – 01 февраля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/02/01/rezervnyj-fond-rossii-oficialno-prekratil-sushchestvovanie.html> (Дата посещения: 10.06.2019.)

1 трлн руб. для ОАО «РЖД» на строительство высокоскоростной магистрали Москва – Казань¹. Недовольство директоров госкорпораций и попытки лоббирования своих интересов привели к ответной реакции президента, который произвел их увольнения. В августе 2015 г. были сняты со своих должностей главы РЖД (В. Якунин) и Русгидро (Е. Дод)². В начале 2016 г. руководитель государственного Внешэкономбанка (ВЭБ) В. Дмитриев, занимавший этот пост 12 лет, также был лишен своей должности³.

Одновременно с ослаблением лоббистских возможностей госкорпораций с 2013 г. началась масштабная «зачистка» банковского рынка. Главным проводником этой политики стала Э. Набиуллина, которая возглавила Центральный банк. В период с 2010 по 2019 г. количество банков сократилось на 58%, с 1058 до 484⁴. При этом основными жертвами лишения лицензий стали именно частные банки, в то время как доля государственного присутствия на финансовом рынке существенно возросла. Наряду с позитивными последствиями этой «ползучей национализации» политическим результатом этого процесса стала окончательная маргинализация держателей мобильного капитала. Сокращение частных банков привело к тому, что большинство промышленных предприятий попало в зависимость от государственных кредитов. Власти, в свою очередь, стали использовать эту зависимость для решения электоральных задач. Уже по итогам выборов 2011–2012 гг. исследователи фиксировали, что высокая явка и электоральные результаты в России часто достигаются с помощью давления директоров промышленных предприятий на трудовые коллективы [Frye, Reuter, Szakonyi, 2014]. К президентским выборам

¹ Галлямова Ю., Попов Е. Скоростные магистрали ушли в будущее // Коммерсантъ. – 2014. – 16 января, № 4. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2384721> (Дата посещения: 10.06.2019.)

² Обухова Е., Огородников Е. Государство проследит за деньгами // Эксперт. – 2015. – 07 сентября, № 37 (956). – Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2015/37/gosudarstvo-prosledit-za-dengami/> (Дата посещения: 10.06.2019.)

³ Тихончук Д. Новым председателем ВЭБа назначен Сергей Горьков // Коммерсантъ. – 2016. – 26 февраля. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2924412> (Дата посещения: 10.06.2019.)

⁴ Szakonyi D. Banking on Politics: How Russia's Banking Sector Clean-Up Affects Regime Stability // PONARS Eurasia. – 2019. – 13 May. – Режим доступа: <http://www.ponarseurasia.org/point-counter/article/banking-politics-how-russias-banking-sector-clean-affects-regime-stability> (Дата посещения: 10.06.2019.)

2018 г. эта тенденция только усилилась, упрочив зависимость предприятий от политических связей, которые сковывают промышленный директорат с властью через финансово-кредитные обязательства¹.

Таким образом, анализ дискуссий и принимаемых решений в правительстве в рамках антикризисных мер 2012–2018 гг. показывает, что президент внимательно следил за этим процессом и оперативно вмешивался в него, корректируя курс правительства с точки зрения своих политических интересов. Защищая свои приоритеты, президент пошел на конфликт с директором ряда госкорпораций, которые лишились своих постов. Второй группой проигравших в ходе кризиса оказались частные держатели мобильного капитала, банки которых оказались национализированными в результате жесткой политики Центрального банка.

Приватизация: бег по кругу

Оказывая поддержку монетаристам по вопросу государственных резервов, президент одновременно имел диаметрально противоположный подход относительно перспектив приватизации. Между тем план приватизации был одним из приоритетов премьера Д. Медведева. Особенно важной эта проблема была в контексте приватизации нефтяных компаний. Исход противостояния во многом зависел от того, кто будет формально контролировать этот сектор. В течение 2012–2013 гг. развернулась аппаратная борьба между А. Дворковичем, который в правительстве Д. Медведева стал вице-премьером, курирующим ТЭК, и И. Сечиным, который возглавил государственную компанию «Роснефть».

В июне 2012 г. И. Сечин учредил неформальный «нефтяной клуб», в рамках которого предложил проводить регулярные собрания глав энергетических компаний. Этот клуб был явной конкурен-

¹ Рогов К. Полторы России: технологии доминирования и социальные порядки // Анатомия триумфа. Как устроены президентские выборы в России. – Режим доступа: <https://www.inliberty.ru/article/regime-rogov/> (Дата посещения: 10.06.2019.); Szakonyi D. Banking on Politics: How Russia's Banking Sector Clean-Up Affects Regime Stability // PONARS Eurasia. – 2019. – 13 May. – Режим доступа: <http://www.ponarseurasia.org/point-counter/article/banking-politics-how-russias-banking-sector-clean-affects-regime-stability> (Дата посещения: 10.06.2019.)

цией аналогичным встречам под председательством А. Дворковича¹. Вскоре В. Путин подписал указ о создании президентской комиссии по развитию топливно-энергетического комплекса, секретарем которой был назначен И. Сечин². Таким образом, «нефтяной клуб» получил формальную институционализацию, что было безусловной аппаратной победой главы «Роснефти». Еще более значимым успехом И. Сечина стало согласие президента подписать указ, разрешающий «Роснефти» на базе акционерной компании «Роснефтегаз» участвовать в покупке государственных и частных энергетических компаний³. Фактически это означало возможность экономической экспансии «Роснефти» за счет поглощения других компаний. Это могло сильно нарушить планы правительства по приватизации. Разрешение «Роснефти» участвовать в приватизации на деле означало скупку частных активов государственной компанией, что полностью противоречило задачам правительства по либерализации рынка. Однако это совпадало с политическими интересами президента по сохранению контроля над ключевыми экономическими активами.

Уже в октябре 2012 г. «Роснефть» поглотила частную компанию ТНК-ВР, которая являлась к тому времени третьей крупнейшей нефтяной корпорацией после самой «Роснефти» и «Лукойла»⁴. В 2013 г. «Роснефть» расширилась за счет поглощения частной газовой компании НГК «Итера»⁵, а в 2014 г. поглотила последний частный проект по производству сжиженного газа «Пе-

¹ Мельников К. Игорь Сечин нашел альтернативу правительству // Коммерсантъ. – 2012. – 08 июня, № 103. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1953850> (Дата посещения: 10.06.2019.)

² Колесников А. Патриарх всея нефти // Коммерсантъ. – 2012. – 16 июня, № 108. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1960206> (Дата посещения: 10.06.2019.)

³ Мельников К. Государство распродает ТЭК себе // Коммерсантъ. – 2012. – 25 мая, № 93. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1942146> (Дата посещения: 10.06.2019.)

⁴ Мельников К., Солодовникова А. Хозяин барреля // Коммерсантъ. – 2012. – 23 октября, № 199. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2050849> (Дата посещения: 10.06.2019.)

⁵ Мельников К., Попов Е., Кисилёва Е. «Итера» растворилась в «Роснефти» // Коммерсантъ. – 2013. – 28 мая, № 89. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2198976> (Дата посещения: 10.06.2019.)

чора СПГ»¹. Но наиболее резонансным и политически важным оказалось поглощение «Роснефтью» компании «Башнефть», актив которой до 2014 г. принадлежал частной АФК «Система» бизнесмена В. Евтушенкова. После национализации «Башнефти» и запуска повторной приватизации на ее активы претендовала компания «Лукойл». До августа 2016 г. считалось, что именно «Лукойл» имеет лучшие шансы купить «Башнефть», потому что экономический блок правительства, так же, как и ряд экономических советников президента, поддерживали именно эту модель приватизации, а не очередную экспансию «Роснефти». Однако после срыва приватизации в августе появилась информация, что И. Сечин убедил В. Путина дать преференции «Роснефти» в этом вопросе². Уже в октябре процесс приватизации «Башнефти» снова неожиданно возобновился, но теперь уже с явным фаворитом в виде «Роснефти». Предложенная ею цена за пакет акций в 325 млрд руб. устранила конкуренцию «Лукойла»³. Это очередное расширение окончательно сделало «Роснефть» главным игроком на энергетическом рынке России, консолидировав под ее контролем почти всю отрасль.

За очередной победой И. Сечина над правительством последовала следующая схватка по поводу приватизации 19% акций уже самой «Роснефти». Министр экономического развития А. Улюкаев настаивал на скорейшей приватизации, в то время как руководство компании сопротивлялось этому. В ноябре 2016 г. дискуссии завершились самым неожиданным образом: сотрудники ФСБ арестовали А. Улюкаева, обвинив его в вымогательстве взятки у И. Сечина в обмен на поддержку в дальнейших приватизационных сделках⁴. После этого правительство было вынуждено отка-

¹ Игорь Сечин вышел к Баренцеву морю / А. Солодовникова, О. Сапожков, Ю. Барсуков, Ю. Галлямова, А. Джумайло // Коммерсантъ. – 2014. – 23 мая, № 87. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2476899> (Дата посещения: 10.06.2019.)

² «Башнефть» слили на будущее / Д. Козлов, Д. Бутрин, И. Сафронов, Ю. Барсуков, Е. Крючкова // Коммерсантъ. – 2016. – 17 августа, № 149. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3065492> (Дата посещения: 10.06.2019.)

³ Козлов Д., Барсуков Ю., Бутрин Д. Нефть без частных примесей // Коммерсантъ. – 2016. – 03 октября, № 182. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3105759> (Дата посещения: 10.06.2019.)

⁴ Задержан министр экономического развития Алексей Улюкаев / К. Болецкая, А. Прокопенко, М. Папченкова, А. Никольский // Ведомости. – 2016. –

заться от модели приватизации акций «Роснефти», которую предлагал А. Улюкаев. И хотя впоследствии приватизация 19% акций «Роснефти» все же состоялась, проведена она была по схеме, максимально выгодной самой компании¹.

Можно сделать вывод, что И. Сечин играл главную роль блокировки приватизации, политически невыгодной президенту. Однако наращивание им ресурсов при одновременном ослаблении других игроков, казалось, нарушает баланс в правящей коалиции и создает риски ее распада.

Трансформация правящей коалиции: от равновесия к равновесию

Описанные выше сюжеты позволяют выделить две разнонаправленные тенденции, демонстрирующие изменения в конфигурации правящей коалиции. Решения президента, как и объективные последствия кризиса, привели к сокращению потребления ресурсов частных и государственных корпораций. Однако если предприятия фиксированного капитала (сельское хозяйство, индустрия, энергетический комплекс) получали государственную поддержку в виде контрсанкций или антикризисных мер, снижая болезненные эффекты кризиса, то держатели мобильных активов оказались максимально ослабленными. Политика в отношении государственных корпораций также была довольно дифференцированной. Ряд прошлых бенефициаров режима оказались отстраненными от бюджетной ренты, в то время как глава «Роснефти», напротив, получил значимые преференции и существенно нарастил ресурсы за счет поглощения своих экономических конкурентов.

Указанные тенденции и ужесточение отношений внутри правящей коалиции теоретически должны были привести к росту напряжения внутри тех групп, которые терпят максимальные издержки. Однако на деле публичных актов недовольства не наблюдается. Это ставит вопрос о причинах лояльности проигравших

15 октября. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/11/15/664893-arrestovan-ministr> (Дата посещения: 10.06.2019.)

¹ Барсуков Ю., Бутрин Д., Козлов Д. Не моем, так Катаром // Коммерсантъ. – 2016. – 08 декабря, № 228. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3164301> (Дата посещения: 10.06.2019.)

элит в новых условиях. Представляется, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости новой конфигурации правящей коалиции, которая сложилась благодаря возвышению И. Сечина и его «нефтяной империи».

Казус с арестом А. Улюкаева демонстрирует, что полномочия И. Сечина вышли далеко за пределы энергетического комплекса и стали влиять на кадровую политику правительства. Почему В. Путин допускает столь сильное укрепление одного из игроков коалиции? Хотя реальные элитные взаимодействия в современной России довольно сложны, чтобы вместить их в рамки формальных моделей, тем не менее анализ этого вопроса сквозь призму теории коалиций позволяет увидеть в усилении И. Сечина определенную логику. Используя метод формального моделирования и теорию Д. Асемоглоу, Г. Егорова и К. Сони́на (Acemoglu, Egorov, Sonin, 2008) о самоподдерживающейся коалиции, рассмотрим логику трансформации властной коалиции в период кризиса.

В исходной точке 2012 г. распределение основных ресурсов между ключевыми игроками (ВПК, госкорпорациями, бизнесом) в целом соответствовало стабильной коалиции, не создающей политических проблем президенту. Несколько упрощая, можно сказать, что коалиция имела вид: $\{A=3; B=4, C=7, D=20\}$, где А – это слабейшие члены коалиции в виде держателей мобильного капитала, D – президент как доминирующий игрок, а В и С – другие влиятельные акторы коалиции в виде руководителей крупнейших частных и государственных компаний, а также представители ВПК и силового блока. Цифровые значения, приписываемые акторам, не являются точно измеряемыми показателями, но призваны лишь описать общее распределение ресурсов между игроками для фиксации сложившегося типа коалиции: стабильной или нестабильной. Количественные показатели проставлены на основе анализа качественных данных политического нарратива, представленного выше. Эти данные не позволяют точно измерить ресурсы каждого из членов властной коалиции, но способны ранжировать игроков в рамках властной иерархии и, что более важно, приблизительно оценить сумму их ресурсного потенциала при создании вероятностных субкоалиций. Данный аспект крайне важен, поскольку в логике рационального выбора значим не только учет того, кто сильнее, а кто слабее, но и расчет суммы ресурсов разных игроков. Этот расчет позволит понять, почему игроки объединяются против

самого сильного (если их сумма ресурсов превышает ресурсы доминирующего игрока) или не делают этого (если их сумма ресурсов меньше или если на основе рациональности какой-то игрок принимает решение отказаться от сговора). Именно эти значения и расчет сумм ресурсов разных акторов являются ключом к пониманию стабильности или нестабильности той или иной коалиции (Acemoglu, Egorov, Sonin, 2008, p. 989).

Цифровые значения указанной модели говорят о том, что президент (D) в этой коалиции занимал доминирующее положение. Сумма ресурсов других членов коалиции была меньше ресурсов президента (14 против 20), что обуславливало отсутствие рисков консолидации элит против него. Поэтому если элиты и объединялись, то не против сильнейшего игрока, а против слабейшего (A), позицию которого в тех условиях занимали остатки держателей мобильного капитала (частные банки) или ряд госкорпораций, неэффективных в растрате государственных средств (РЖД, «Русгидро», ВЭБ). Как было показано в предыдущих частях статьи, именно они оказались среди проигравших.

Кризисные тенденции 2014–2015 гг. привели к переконфигурации коалиции. Экономические издержки, связанные с экспансией «Роснефти», множили число потерпевших, обостряя межэлитное напряжение. Действиями «Роснефти», которая стала в лице его главы выступать отдельным игроком, были недовольны не только представители бизнес-элит, пострадавшие от расширения «Роснефти» (АФК «Система», «Лукойл» и др.), но и чиновники экономического блока как в структурах правительства (А. Дворкович, А. Улюкаев, В. Шувалов), так и в президентской администрации (А. Белоусов)¹. Их консолидация могла привести к выходу борьбы из-под контроля с негативными для президента политическими последствиями. На языке формального моделирования можно сказать, что тип коалиции стремительно стал приобретать форму: {A=3; B=4, C=5, S=6, D=20}. Отличие этой модели состоит в том, что хотя президент (D) по-прежнему сохраняет позицию

¹ Известно, что все указанные чиновники выступали против покупки «Роснефтью» активов «Башнефти». Помощник президента А. Белоусов даже публично назвал участие «Роснефти» в приватизации «глупостью», см.: Дзядко Т. Помощник Путина назвал «глупостью» участие «Роснефти» в приватизации // РБК. – 2016. – 26.07. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/28/07/2016/5799eb259a79478bd7a8f3fd> (Дата посещения: 10.06.2019.)

доминирующего игрока (его ресурсы по-прежнему превосходят сумму ресурсов всех других членов коалиции: 18 против 20), позиция И. Сечина (S) являлась довольно уязвимой в силу усиления за счет консолидации его оппонентов (A, B и C). Их совокупные ресурсы превышают ресурсы S, и это создавало риски того, что теперь союз сложится не против слабейшего (A), а против S. Таким образом, в целом данная коалиция уже не является стабильной, и для предотвращения открытого конфликта президенту необходимо было принимать стратегические решения по очередному перераспределению ресурсов.

События 2016 г., связанные с неожиданной отменой приватизации «Башнефти», последующей покупкой этой компании «Роснефтью» и арестом А. Улюкаева знаменовали выбор президента в пользу существенного усиления И. Сечина, который тем самым ликвидировал свою уязвимость. Этот стратегический шаг решал проблему обострения межэлитного конфликта и перестроил властную коалицию таким образом, что от модели нестабильной она вновь перешла к типу стабильной (самоподдерживающейся). Ее новую структуру можно описать следующим образом: $\{A=3; B=4, C=5, S=10, D=20\}$. Как видно, в данной конфигурации, по сравнению с предыдущей, все ресурсы у игроков остались неизменными, кроме И. Сечина (S), который их нарастил. На первый взгляд может показаться, что такое усиление S создает риски для президента (D), поскольку теперь при консолидации всех членов коалиции (A, B, C, S) их сумма ресурсов превышает ресурсы D (22 против 20). Однако такая консолидация является маловероятной именно ввиду рационального расчета S, который понимает, что при исчезновении D следующей жертвой будет он сам, со стороны его давних недоброжелателей в виде A, B и C, сумма ресурсов у которых превышает ресурсы S (12 против 10). Таким образом, данная конфигурация игроков является стабильной (самоподдерживающейся). Возвышение S позволило D решить сразу две задачи: во-первых, предотвратить неконтролируемую схватку элит с помощью трансформации коалиции из модели нестабильной в стабильную; во-вторых, внести раскол в коалицию, затруднив ей решение проблемы «коллективного действия» [Olson, 1971], что гарантирует президенту страховку от внутри-элитного заговора.

Заключение

В данной статье поставлен вопрос об источниках политической стабильности в условиях кризиса авторитарных режимов, зависящих от мировых цен на нефть. Случай России выбран для анализа не случайно, поскольку является одним из примеров «истории успеха». Несмотря на кризисные шоки 2014–2015 гг., В. Путин смог выиграть очередные президентские выборы, не столкнувшись с какими-либо серьезными электоральными проблемами. В отличие от многих исследователей, которые концентрируют свое внимание на репрессивных мерах власти против оппозиции, в данной статье показано, что в авторитарных условиях не меньшее значение для политической устойчивости имеют элитные взаимодействия внутри властной коалиции. Динамика политического процесса в момент кризиса существенно ускоряется, раскалывая элиту на проигравших и победителей из-за новых экономических условий. От стратегии президента в данном случае зависит сохранение стабильной правящей коалиции.

Кроме того, экономические вызовы вносят существенные коррективы в курс правительства, вынуждая министров формировать новые антикризисные меры, которые не всегда отвечают политическим интересам президента. В этой ситуации политическая выживаемость режима во многом зависит от конкретных мер президента, направленных на корректировку правительственного курса с учетом политических задач. Как демонстрирует опыт России, конкретная модель траты средств Резервного фонда, как и направление приватизации, не были изначально предрешированы и вызывали дискуссии в правящем классе. Только вмешательство президента в эти вопросы позволило решить их таким образом, чтобы минимизировать политические риски даже в ущерб задачам по стимулированию экономики.

Безусловно, выявленные факторы политической стабильности российского режима не являются исчерпывающими. Однако фокус внимания именно на коалиционные аспекты политики позволяет лучше понять причины выживаемости сырьевых автократий и пролить свет на вопрос о том, каким образом такие режимы могут сохранять устойчивость даже в условиях падения мировых цен на нефть.

Список литературы

- Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
- Панпэ Я.Ш. «Олигархи». Экономическая хроника 1992–2000. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 232 с.
- Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. – Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – 624 с.
- Росс К. Российский средний класс: агент демократии или оплот консерватизма? // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 162–185.
- Шпренгер К. Государственная собственность в российской экономике. Часть 1. Масштаб и распределение по секторам // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 6. – С. 120–140.
- Штоленхейм П., Пердомо К., Шёнс Э. Военные расходы // Ежегодник СИПРИ 2008. «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН: пер. с англ. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 217–299.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Coalition formation in non-democracies // Review of Economic Studies. – N.Y., 2008. – Vol. 75, N 4. – P. 987–1009. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-937x.2008.00503.x>
- Acemoglu D., Robinson J. The economic origins of dictatorship and democracy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 416 p.
- Ahmadov A. How oil autocracies learn to stop worrying: Central Eurasia in 2008 global financial crisis // Post-Soviet Affairs. – 2019. – Vol. 35, N 2. – P. 161–180. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2018.1554943>
- Boix C. Democracy and redistribution. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – 284 p.
- Bratton M., van de Walle N. Democratic experiments in Africa: Regime transitions in a comparative perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1997. – 307 p.
- Frye T., Reuter O., Szakonyi D. Political machines at work: voter mobilization and electoral subversion in the workplace // World Politics. – 2014. – Vol. 66, N 2. – P. 195–228. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s004388711400001x>
- Gandhi J. Political institutions under dictatorship. – Oxford: Cambridge univ. press, 2008. – 258 p.
- Gasiorowski M.J. Economic Crisis and Political Regime Change // American Political Science Review. – 1995. – Vol. 89, N 4. – P. 882–897. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2082515>
- Gel'man V. Authoritarian Russia: analyzing Post-Soviet regime changes. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. – 224 p.
- Gel'man V. Cracks in the Wall: challenges to electoral authoritarianism in Russia // Problems of Post-Communism. – 2013. – Vol. 60, N 2. – P. 3–10. – DOI: <https://doi.org/10.2753/ppc1075-8216600201>
- Haggard S., Kaufman R. The political economy of democratic transitions. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1995. – 360 p.
- Hale H. Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – 558 p.

- Hoffman D.* The oligarchs: wealth and power in the new Russia. – N.Y.: Public Affairs, 2011. – 608 p.
- Houle C.* Inequality and democracy: why inequality harms consolidation but does not affect democratization // *World Politics*. – 2009. – Vol. 61, N 4. – P. 589–622. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0043887109990074>
- Linz J.* The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy*. – 1990. – Vol. 1, N 1. – P. 51–69.
- Linz, J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1996. – 504 p.
- Lipset S.* Political man. – N.Y.: Doubleday, 1960. – 432 p.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.
- Olson M.* The logic of collective action: public goods and the theory of groups. – Cambridge: Harvard univ. press, 1971. – 186 p.
- Pepinsky T.* Economic crisis and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2009. – 346 p.
- Ross M.* Does oil hinder democracy? // *World Politics*. – 2001. – Vol. 53, N 3. – P. 325–361. – DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2001.0011>
- Svolic M.* The politics of authoritarian rule. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2012. – 234 p.
- The logic of political survival / B. Bueno De Mesquita, A. Smith, R. Siverson, J. Morrow. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2003. – 536 p.
- Treisman D.* Democracy by mistake // The National Bureau of Economic Research. – 2017. – (Working Paper; N 23944). – DOI: <https://doi.org/10.3386/w23944>

S.N. Shkel*

**President, economic crisis and logic
of coalition politics in contemporary Russia**

Abstract. States that are dependent on world oil prices are especially vulnerable during the economic crisis. However, many petrostates retain stability. If the sources of stability of authoritarian petrostates during the period of high oil prices are well studied, the basics of the political survival of such regimes in crisis conditions remain unclear. This article analyzes Russia's political processes in the period 2012–2018 to study the main factors of the political sustainability of the regime in a crisis. I argue that political stability during this period was conditioned not only by the presence of oil rent, preventive government measures to create state reserves and other favorable economic factors of the past years. Strategic actions of the president played no less a role, aimed at 1) adjusting the economic course of the government to take into account political interests and accomplish the electoral objective of 2018; 2) maintaining a stable (self-

* **Shkel Stanislav**, Perm State National Research University, Center for Comparative History and Politics (Perm, Russia), e-mail: stas-polit@yandex.ru

enforcing) ruling coalition. I demonstrate the course and political consequences of decision making in Russia on the issues of spending state reserves and privatization of the largest state corporations. I show also that the specific direction of these decisions was conditioned by the intervention of the president to protect their political interests. The analysis of personnel policy and elite interactions with the help of formal modeling allowed to reveal the logic of transformation of the ruling coalition and to reveal the significance of this process for maintaining the stability of the political regime.

Keywords: president; crisis; politics; coalitions; political regime; authoritarianism; Russia.

For citation: Shkel D.S. President, economic crisis and logic of coalition politics in contemporary Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 168–194. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.06>

References

- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Coalition formation in non-democracies. *Review of Economic Studies*. 2008, Vol. 75, N 4, P. 987–1009. <https://doi.org/10.1111/j.1467-937x.2008.00503.x>
- Acemoglu D., Robinson J. *The Economic origins of dictatorship and democracy*. N.Y.: Cambridge univ. press, 2006, 416 p.
- Ahmadov A. How oil autocracies learn to stop worrying: Central Eurasia in 2008 global financial crisis. *Post-Soviet Affairs*. 2019, Vol. 35, N 2, P. 161–180. <https://doi.org/10.1080/1060586x.2018.1554943>
- Boix C. *Democracy and Redistribution*. N.Y.: Cambridge univ. press, 2003, 284 p.
- Bratton M., van de Walle N. *Democratic experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge univ. press, 1997, 307 p.
- Bueno De Mesquita B. et al. *The logic of political survival*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2003, 536 p.
- Frye T., Reuter O., Szakonyi D. Political machines at work: voter mobilization and electoral subversion in the workplace. *World Politics*. 2014, Vol. 66, N 2, P. 195–228. <https://doi.org/10.1017/s004388711400001x>
- Gandhi J. *Political institutions under dictatorship*. UK: Cambridge univ. press. 2008, 258 p.
- Gasiorowski M.J. Economic crisis and political regime change. *American Political Science Review*. 1995, Vol. 89, N 4, P. 882–897. <https://doi.org/10.2307/2082515>
- Gel'man V. *Authoritarian Russia: analyzing Post-Soviet Regime changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015, 224 p.
- Gel'man V. Cracks in the Wall: challenges to electoral authoritarianism in Russia. *Problems of Post-Communism*. 2013, Vol. 60, N 2, P. 3–10. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216600201>
- Haggard S., Kaufman R. *The political economy of democratic transitions*. Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1995, 360 p.
- Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – 558 p.

- Hoffman D. The oligarchs: wealth and power in the new Russia. N.Y.: Public Affairs, 2011, 608 p.
- Houle C. Inequality and democracy: why inequality harms consolidation but does not affect democratization. *World Politics*. 2009, Vol. 61, N 4, P. 589–622. <https://doi.org/10.1017/s0043887109990074>
- Kryzhanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zaharov, 2005, 384 p. (In Russ.)
- Linz J. The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*. 1990, Vol. 1, N 1, P. 51–69.
- Linz, J., Stepan A. *Problems of democratic transition and consolidation*. Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1996, 504 p.
- Lipset S. *Political man*. N.Y.: Doubleday, 1960, 432 p.
- Magaloni B. *Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico*. N.Y.: Cambridge univ. press, 2006, 296 p.
- Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups. Cambridge: Harvard univ. press, 1971, 186 p.
- Pappe J. «Oligarchs». *Economic chronicle 1992–2000*. Moscow: HSE, 2000, 232 p. (In Russ.)
- Pepinsky T. *Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective*. N.Y.: Cambridge univ. press, 2009, 346 p.
- Plokhy S. *The Last Empire: the final days of the Soviet Union*. Moscow: ACT: CORPUS, 2016, 624 p. (In Russ.)
- Ross C. The Russian middle class: Agent of democracy or bastion of the status-quo? *Political Science (RU)*. 2017, N 1, P. 162–185. (In Russ.)
- Ross M. Does oil hinder democracy? *World Politics*. 2001, Vol. 53, N 3, P. 325–361. <https://doi.org/10.1353/wp.2001.0011>
- Shtolzenheim P., Perdomo K., Schöns E. Military spending. In: *SIPRI yearbook 2008 «Armament, Disarmament and International Security»*. Moscow: IIEIR RAS, 2009, P. 217–299. (In Russ.)
- Sprenger C. State ownership in the Russian economy. Part 1. Its magnitude and sectoral distribution. *The Journal of the New Economic Association*. 2010, N 6, P. 120–140. (In Russ.)
- Svolic M. *The politics of authoritarian rule*. N.Y.: Cambridge univ. press, 2012, 234 p.
- Treisman D. Democracy by mistake // *The National Bureau of Economic Research*. 2017. Working Paper No. 23944. <https://doi.org/10.3386/w23944>